

Константин Сергеев

До свидания.

ОРВАТ

Константин Сергиенко До свидания, Овраг

*OCR UKIWA, оформление, вычитка TaKir
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145110
«Детская литература»; Москва; 1979*

Аннотация

Повесть о бездомных собаках

Содержание

Глава 1. НАШ ОБРАГ	4
Глава 2. ВОЛЬНЫЕ ПСЫ	7
Глава 3. МОЙ ЧЕЛОВЕК	10
Глава 4. НАШИ ЗАБОТЫ	13
Глава 5. НОЧНОЙ ДОЗОР	17
Глава 6. ПРИВЯЗАННЫЕ	20
Глава 7. ПОПОЛНЕНИЕ	23
Глава 8. В ГОСТЯХ У ЯМОМОТО	27
Глава 9. МОЛОДЕЦ, СТАВЛЮ ПЯТЬ!	31
Глава 10. КАК ЧЕЛОВЕК И СОБАКА СТАЛИ ГОВОРИТЬ ПО-РАЗНОМУ	35
Глава 11. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЯМОМОТО	38
Глава 12. КАК-ТО НОЧЬЮ	42
Глава 13. СОН	45
Глава 14. КАК КОМУ ПОВЕЗЕТ	48
Глава 15. ЛЕТО К КОНЦУ	51
Глава 16. ПРОЩАНИЕ С ХРОМЫМ	54
Глава 17. МЕСТЬ ЧЕРНОГО	57
Глава 18. БОЛЬШАЯ ПЕСНЯ	59
Глава 19. ЖЕЛЕЗНАЯ КЛЕТКА	62
Глава 20. ДО СВИДАНИЯ, ОБРАГ	66

Константин Сергиенко

До свидания, Овраг

Глава 1. НАШ ОВРАГ

Вот и лето пришло. Как я люблю эту пору! Зимой нелегко прожить. Найдёшь на дороге огрызок, а он промёрз, укуси попробуй.

Зимой скучновато. Только и радости, когда дети катаются с гор. Можно за ними бегать, прыгать и лаять.

Один пёс из наших бывал в лесу на охоте. Он говорит, что на снегу там много следов. От них загорается сердце собаки.

Но то в лесу. А в нашем овраге если и проложит стёжку, то знакомый кот. Кругом человечьи следы, птичьи крестики и линейки от лыж. Только утром после снегопада овраг становится чистым и белым.

Нет, летом лучше. Вырастает большая трава. Цветы качают головками. И запахов полно, от которых дрожит нос.

Наш овраг большой и красивый. В овраге у нас раздолье, обежать его – целое путешествие.

По краям оврага растут кусты и деревья. На деревьях живут птицы-чернухи. Их домики похожи на корзины, ни крыш, ни дверей. Домик собаки, конечно, лучше, но ведь не у каждого пса есть своя конура.

Я знаю тут каждую ложбинку. Посреди оврага течёт ручей. Летом он почти высыхает, но земля вокруг всё равно мокрая, и даже есть маленькое болотце. Трава здесь высокая, по самые уши. Тучами летают комары, и смеются лягушки.

В овраге много вещей. Чего тут только не встретишь! Старые туфли и варежки. Колёса, шарики и дощечки.

Головастый нашёл мятую шляпу и научился её носить, а Крошка живёт в ящике из-под яблок. Ящик пахнет яблоками, но Крошке по ночам снятся котлеты.

Я знаю, где лежит золотое колечко. Я понюхал его и понял, что колечко носил добрый человек. Только не знаю, зачем он положил его в овраг.

Со всех сторон овраг окружают высокие белые дома. А дальше этих домов всё больше и больше. Там гудят машины, ночью поднимается зарево.

Наш овраг с каждым летом становится меньше. Этой весной насыпали целую кучу камня, песка и глины. Снова хотят построить дом. Все наши ругаются. Разве им места мало? Почему обязательно в нашем овраге? Куда податься собаке?

Но жаловаться некому.

Особенно я люблю наш овраг ночью. С его глубокого дна видно чёрное небо, а в нём насыпано много красивых блестящих звёзд. Они очень высоко, и как ни прыгай, не достанешь.

Вместо солнца выходит белая луна. Холодок пробегает по спине, шерсть встаёт дыбом. И если спишь при луне, бывают

сны, от которых текут слезы, а внутри так сладко щемит.

Глава 2. ВОЛЬНЫЕ ПСЫ

Все мы вольные псы. Когда-то вокруг оврага была деревня. Маленькие дома сломали, построили большие. Хозяева уехали, а собаки остались.

Верховодит у нас Чёрный. Он большой и сильный. Все ему подчиняются, только я держусь в стороне. Раза два мы сцепились. Он понял, что клыки у меня не хуже, и больше не пристаёт.

Иногда я бегаю со всеми, иногда один. Я не стал отбивать у Чёрного псов, и он успокоился.

Раньше у Чёрного был приятель, большой и глупый увальень по кличке Отпетый. Чуть что, Отпетый бросался в драку. Он всегда был за Чёрного. Теперь Отпетого нет, но Чёрного всё равно боятся.

Однажды подошёл ко мне Головастый и сказал:

– Гордый, возьми меня в стаю.

– У меня нет стаи, Головастый, – ответил я.

– Тогда собери. Бывшая Такса просится и Хромой.

– В овраге не должно быть две стаи, Головастый, – сказал я.

– Тогда победи Чёрного. Вчера он бросил в болото мою шляпу.

Головастый у нас умник. Он умеет читать. Часами смотрит на рваную газету и складывает по слогам: «Но-во-сти с

по-лей...»

Иногда он напяливает шляпу и сидит с задумчивым видом. Чёрный ему сказал:

– Зачем ты носишь шляпу, Головастый? Хочешь быть похожим на человека?

– Я умею читать, как человек, – гордо ответил Головастый.

– А я умею кусать, как собака! – грозно сказал Чёрный и так пихнул Головастого, что тот шлёпнулся на свою газету, а шляпа покатила под обрыв.

– Ха-ха-ха! – засмеялся Крошка.

Крошка любит смеяться. Он маленький лохматый пёсик, весёлый и добрый. На носу у него всегда кусочек глины. Дети балуют Крошку. Берут его на руки, тискают, ерошат шерсть. А Крошка знай себе хохочет.

Крошка хохочет, а Бывшая Такса вздыхает. На шее у неё грязный, затрёпанный бант. Она не хочет его снимать и говорит, что бант напоминает ей о прошлом.

Когда Бывшая Такса появилась в овраге, она всех называла на «вы». Но Чёрный быстро отучил её от этой причуды. Чёрный говорит, что собака должна быть собакой. Моя дружба с котом Ямомото вызывает у него недовольство.

Я бы не стал дружить с котом Ямомото, но он такой умный. Ямомото японский император, и это все знают. Ямомото говорит, что император важнее самого Чёрного.

Ямомото хорошо говорит по-собачьи. Мы часто беседуем, греясь на солнышке.

– Не противно тебе, Гордый, разговаривать с котами? – спрашивает Чёрный.

– Не твоё дело, – шипит Ямомото. Чёрный кидается к нему, но Ямомото ловко взлетает на дерево.

– Я тебе ещё морду в кровь раздеру, – обещает он. Чёрный рычит и грозит. Я наблюдаю спокойно. Знаю, что Ямомото не даст себя в обиду. Никто, кроме Чёрного, уже не гоняется за Ямомото.

Мы говорим с Ямомото обо всём. О еде, о погоде, о далёкой Японии. Нас любит слушать Хромой. Приковыляет и сядет в сторонке. Послушает, послушает, потрёт мокрый нос лапой и что-то пробормочет.

– Что, что? – спросит Ямомото.

– Да это, как его... – прохрипит Хромой, но больше ничего не скажет. Посидит ещё немного и уплетётся восвояси. Хромой молчун и скромник, сказать несколько слов подряд для него большое дело.

Чёрный не раз звал меня в стаю.

– Я сделаю тебя правой лапой, – говорит он.

– Нет, – отвечаю я.

Чёрный не годится мне в вожаки. Если выбирать вожака, я бы взял другого. Есть у меня один на примете. Но у него не четыре ноги, как у нас, а две. У него нет хвоста, а верхние лапы называются «руки». Он человек, а Чёрный не любит людей.

Глава 3. МОЙ ЧЕЛОВЕК

Люди делятся на детей и взрослых. Дети – это маленькие люди. Дети веселее и добрее. Взрослые бывают злые, но бывают и добрые. Мой Человек самый добрый.

Когда-то и у Чёрного был свой Человек. Он держал его на цепи и бил. Когда деревню сломали, тот Человек сел в машину и уехал. Чёрный долго бежал за ним.

Машина остановилась. Человек вышел и прогнал Чёрного. Но Чёрный снова побежал за машиной. Тогда Человек его ударил. Чёрный упал, а машина уехала. С тех пор Чёрный не любит людей.

Своего Человека я встретил ночью. Это было зимой. У меня тогда сильно болела лапа. В одном месте из-под земли шёл пар, снег тут растаял. Я лёг и стал греть лапу на большой железной крышке.

Мой Человек шёл в распахнутом пальто. Он размахивал рукой и что-то говорил сам себе. Около меня он споткнулся, а потом присел на корточки.

– Здравствуй, уважаемый, – сказал он. – Как дела?

Я сразу почувствовал к нему доверие. Я понял, что не надо убегать. Этот человек меня не обидит. Я показал ему больную лапу.

– Дела неважные, – сказал он. – Пойдём со мной.

И я пошёл. В подъезде он долго искал ключ и шёпотом

говорил:

– Прошу тебя, уважаемый, как можно тише. Соседи нас не поймут.

Так я впервые оказался в белом доме, или большой конуре, как называет его Бывшая Такса.

В темноте я неловко повернулся и что-то зацепил, но Человек быстро открыл дверь комнаты и впустил меня.

– Так, – сказал он, – будем лечиться. Но сначала надо перекусить. Так ведь, мой друг?

Я согласился. Он кормил меня очень вкусной колбасой, а потом лечил мою ногу. Так приятно, когда тебя лечат. Немножко больно, зато знаешь, что скоро всё будет в порядке. Мой Человек умеет лечить.

В его комнате стояли разные картоночки и дощечки и чем-то остро пахло. Он сел перед одной дощечкой и взял в руки тонкие палочки.

– Это кисти, – сказал он. – Отдыхай, уважаемый, а я пока поработаю. Ночью у меня хорошо получается.

Он долго трогал палочками свою дощечку, иногда отходил и смотрел прищурившись.

– Полюбуйся, уважаемый, – сказал он.

Я подошёл к дощечке и понюхал её.

– Жаль, что собаки не различают цветов, – сказал он. – Впрочем, ты, может быть, различаешь.

Я повёл носом вверх дощечки. Направо, налево, поперёк. Нет, она пахла очень красиво, эта дощечка. Запах стру-

ился лентой, расплывался шаром, набегал волной. Я разволновался и царапнул лапой пол.

Потом он снова сидел перед дощечкой и трогал её своими палочками. Я подрёмывал в углу.

Наконец Человек встал, потрогал мою забинтованную лапу и сказал:

– Ну, уважаемый, пора расставаться. Ты накормлен и подлечен. Большого я для тебя сделать пока не могу. Подождём лучших времён.

Я всё понял. Он не мог оставить меня. Я встал и пошёл на улицу. Он вышел меня провожать, и мы погуляли по утреннему морозцу. Небо уже посветлело, поскрипывал снег.

– До свидания, уважаемый, – сказал он. – Всегда можешь рассчитывать на мою помощь. Поверь, я бы охотно пожил с тобой вместе. Давай-ка лапу.

Я протянул ему лапу. Он ушёл, подняв воротник пальто.

Я часто вижу своего Человека. Я провожаю его сторонкой и никогда не напрашиваюсь в гости. Несколько раз мы стлкнувались на улице. Он всегда узнаёт меня, гладит и ласкает. Называет меня «уважаемый», спрашивает, как я живу.

Я весело кручу хвостом и бегу рядом. В эти минуты сердце у меня колотится от счастья. Как всё-таки хорошо иметь своего Человека! Жизнь тогда кажется просто сказкой.

Глава 4. НАШИ ЗАБОТЫ

У вольного пса очень много дел. С утра пораньше надо обежать овраг и выяснить, нет ли чего нового. У каждой собаки есть свой уголок, который она знает лучше других. Если ты в стае, то нужно рассказать новости вожаку.

Чёрный обычно сидит у своей ямки за Диким кустом.

Прибегает Бывшая Такса и говорит, что в её канавке появилась железная коробочка.

– Ржавая? – спрашивает Чёрный.

– Да, очень ржавая, с двумя дырочками.

Чёрный думает, потом говорит:

– Ладно, пускай лежит.

Головастый докладывает, что на его бугорке кто-то забыл книжку.

– Про собак? – спрашивает Чёрный.

– Нет, про людей, – отвечает Головастый.

– Разорви на мелкие клочки, – приказывает Чёрный, хотя и знает, что Головастый рвать книжку не станет, а спрячет её подальше.

У Хромого жгли ночью костёр и сломали удобный сучок, о который все мы чесались.

– Я ещё узнаю, кто сломал! – грозитя Чёрный. – Так дёрну его за штанину, что она разорвётся!

Крошка говорит, что в его ложбинке ничего не измени-

лось.

– Как это не изменилось? – спрашивает Чёрный. – У всех изменилось, а у тебя не изменилось? А ты хорошо всё прощупал? Ты плёл носом петли, шарил крест-накрест, водил сверху вниз?

Крошка торопливо уверял, что плёл петли, шарил крест-накрест и водил сверху вниз.

– А это что? – грозно спрашивает Чёрный.

Он бросает перед Крошкой ветку бузины.

– Я специально проверил тебя, Крошка. Я сбегал в твою ложбинку и отгрыз эту ветку, а ты не заметил.

Крошка начинает ёрзать и хихикать.

– Вот так всегда. – Чёрный обращается ко мне. – Ничего не знают, ничего не умеют. Засыпь им весь овраг, не заметят.

После обхода надо проводить в школу детей. Они идут, весело болтают, размахивают портфелями, бегают, дерутся.

Мы тоже идём, звонко тьявкаем, крутим хвостами. Жалко, что летом школа закрывается. Многие дети уезжают. Зато остальные целые дни проводят в овраге. Играют в прятки, жгут костры, роют пещеры.

За всем этим надо присмотреть. Без нас не обходится ни одна затея. Если появится нехороший человек, мы его облаем и не подпустим.

Самых маленьких надо покатать верхом, большим принести какую-нибудь дичь. Например, серую мышь. Развлекаешь ребят целый день, даже устаёшь. Забота нелёгкая.

Я уж не говорю про то, что приходится добывать пищу. Конечно, наши маленькие приятели иногда приносят еду. Куски мяса, булки, колбасу. Но разве этого хватит на всех собак?

Перебиваемся как можем. Бегаем туда-сюда, ищем. Хватаем, что плохо лежит.

Самый отчаянный из нас Чёрный. На моих глазах он два раза отнимал еду у взрослых.

Вечером, когда на автобусной остановке темно, Чёрный залегал в кустах и ждал. Если из автобуса выходила одинокая взрослая с сумкой, Чёрный нападал на неё, рычал, дёргал к себе сумку и в конце концов отнимал её.

Он издали чуял, что несёт взрослая. Если в сумке только хлеб, он оставался в кустах. Если же колбаса или мясо, считайте, что сумка у Чёрного.

Я говорил Чёрному, что это добром не кончится. Но Чёрный не унимался.

– Я им ещё покажу, – говорил Чёрный и рычал.

Хорошо, хоть у него хватало ума не нападать на мужчин. Эти так просто не отдадут свою еду, а то и прибьют.

Сытнее всех среди наших живёт Хромой. Он ходит побираться на железную дорогу. Там он залезает в поезд и бродит по вагонам с жалким видом. Люди кидают ему всякую всячину. Хромой наедается сам и кое-что приносит Чёрному, а уж Чёрный посмотрит, угостить ли кого ещё.

В заботах о еде, о наших маленьких друзьях, об овраге

мы и проводим весь день. А когда темнота ляжет на землю, наступает час ночного дозора.

Глава 5. НОЧНОЙ ДОЗОР

– Построиться! – тихо командует Чёрный. – Приставить носы! Вперёд!

И лёгкой тенью мы скользим по земле мимо спящих домов. В носу свербит. Жажда поиска кружит голову. Ночной дозор – торжественный час для собаки.

Если днём много запахов, то ночью в них прямо утопаешь. Пахнет небо, пахнет лунный свет, пахнет сама темнота, а в ней, как мотыльки, туда-сюда так и снуют, так и мелькают запахи. Хочется схватить каждый и подержать на носу, как держит на носу шарик одна знакомая собака.

Запахами покрыта вся земля. Вот одни следы, вот другие. Кто-то бежал, кто-то шёл вразвалочку, а вот здесь крался кот. Это проехало колесо машины, это боролись на земле два мальчика, это – скок-скок – пропрыгал мяч. Это упала буханка хлеба, а это вот-вот пробьётся из-под камней росток травы. Всё нам расскажут запахи.

Но особенно пахуч, особенно полон ароматами наш овраг. Он налит ими до краёв, как большая миска. Запахи волнуются и колышутся. Цветы раскрыли свои чашки, и каждый зовёт ночную бабочку. Запахи самые разные. Медовые, горькие, нежные.

Надо во всём разобраться, надо понять, что откуда.

Вот муравьиная тропка, она пахнет кисло. Её пересека-

ет рогатый жук со своим фонариком. Стрекогут кузнечики, квакают лягушки, и ленивый болотный дух плывёт по оврагу от их хозяйства.

Ночная птица-ковырун завела свою трескотню и начала подпрыгивать в воздухе. Притихли чернухи в гнёздах. Старые деревья толпятся на краю оврага, словно хотят погулять в его холодной сочной траве.

Во время ночного дозора мы ищем собачью дверку. Найти собачью дверку – мечта каждого пса. Много я слышал о ней рассказов. Собачья дверка совсем маленькая, меньше бусинки. Пока не уткнёшься в неё носом, не найдёшь. А когда найдёшь, собачья дверка откроется и станет большая, пройдёт любая собака.

За этой дверкой совсем другая жизнь. Всегда тепло и красиво. Много дичи и вкусной еды. Кругом поля и леса, а хозяйничают там одни собаки.

Дверка, дверка, попадись, попадись! Дверка, дверка, отворись, отворись!

Если в нашем овраге есть собачья дверка, обязательно её отыщу. И когда искать дверку, как не ночью. Ночью овраг отдыхает. Не грохочут машины, не сыплется песок и камни. Ночью на дне оврага, как в волшебной стране. Над тобой только огромное небо в голубых крупинках и большое круглое зеркало.

В это зеркало можно смотреть без конца. И видишь там что-то знакомое, но очень далёкое. От этого делается груст-

но. Хочется спеть какую-то песню. То ли пожаловаться кому-то, то ли кого-то позвать, то ли просто рассказать что-то.

И тогда начинает Крошка. Он садится, подняв к луне острую мордочку, и выводит тоненьким голосом:

– Ах, я Крошка, я белая собачка, я просто живу и живу!

– А я учёный, я умный, – подхватывает грубым голосом Головастый. – Я славные песни пою!

За Головастым начинает Бывшая Такса:

– Ох, я Такса, Бывшая Такса, где же вы, детки мои? – В такие минуты Бывшая Такса вспоминает своих щенков.

Тут и Хромой подвывает:

– Дайте Хромому, подайте Хромому, киньте хоть маленький осколочек луны!

И после всех с блестящими глазами и вытянутой шеей щемлящим криком начинает свою песню Чёрный:

– А я Чёрный, я весь чёрный, я чёрный снаружи и внутри! Отойдите от Чёрного, не жалейте Чёрного, я весь чёрный снаружи и внутри!

Глава 6. ПРИВЯЗАННЫЕ

Кроме нас, в овраге бывают привязанные. Это совсем другие собаки. Их приводят гулять люди.

Привязанные отличаются от нас тем, что носят ошейник.

Как-то я сказал знакомому бульдогу:

– Никогда бы не стал носить ошейник.

– Это потому, что у тебя нет медалей, – ответил тот. –

Ошейник надевают, чтобы носить медали.

– Подумаешь, – сказал я. – А я знаю, где лежит золотое колечко!

– Да, – сказал он, – у меня много медалей. Послушай, как они звенят. Я породистый.

– Колечко очень красивое, – сказал я.

– У моего Человека тоже есть медаль, – добавил бульдог. –

Он тоже породистый.

– Это ещё надо проверить, – заметил Головастый.

– Самой лучшей породы! – заверил бульдог.

– Самая лучшая порода – это пудель, – сказал умник Головастый.

– Да, да, мой Человек пудель, – поспешил согласиться бульдог.

– А может, и нет. – Головастый наморщил лоб. – Может, лучшая порода – это шавка.

– Да, да, – сказал глупый бульдог. – Кажется, мой Человек

шавка.

Почти все привязанные очень важные. Многие не здороваются и делают вид, что мы им не ровня. Все их разговоры сводятся к хвастовству.

– Знаешь, какой мой Человек? – начинает привязанный. – Мой Человек выше этой лавки!

– А мой Человек бегаёт быстрее тебя, – отвечает другой привязанный.

– У моего Человека дома есть здоровенная палка. Он может тебя проучить.

– А у моего Человека такие клыки, что он перегрызёт тебя пополам!

Самый смешной из привязанных это Балконный. Есть один такой пёсик, его только на балкон выпускают, а на улице я его ни разу не видел.

Такой ругливой собаки я в жизни не встречал. Балконный просовывает морду сквозь прутья и целый день ругается страшными словами.

– Только попробуй залезь на мой балкон, ррав!

– Только попробуй ограбь мою квартиру, рруф!

– Только попробуй плюнь в меня, только попробуй!

– Всех, всех перекусаю! В кллочья рраздеру!

Я как-то ему сказал:

– Эй ты, балаболка, слезай вниз, поговорим. Тогда я тебе и квартиру ограблю, и на балкон залезу, и плюну тебе прямо в нос.

Тут Балконный прямо с ума сошёл. Он стал грызть железку и поливать меня сверху слюной:

– Рраздери-рраскурочу-рразом-порешу!

А сам-то от горшка два вершка. Вот ведь какие бывают собаки, просто стыд и срам.

Кое-кто из наших завидует привязанным. Как-никак это сытый народ. Живут в тепле, не знают заботы. Чёрный привязанных не любит и всегда задирает их.

Что до меня, то не знаю, как можно целый день высиживать на балконе вроде ругливого. Мне нравится свобода. А свой Человек у меня есть, как у любого привязанного. Правда, не часто мы видимся, но я буду верен ему всю жизнь.

Глава 7. ПОПОЛНЕНИЕ

Лето шло своим чередом. Уже миновали денёчки свежей травы и приближалось время пушариков. Есть такой белый цветок. Дунешь на него, и он разлетится на много крохотных пушинок. Бегать за такой пушинкой и ловить её на нос – старая собачья игра.

Как-то утречком на автобусной остановке вышел человек с двумя собаками. Собак он оставил, а сам сел в автобус и уехал.

Пёсики были очень похожи друг на друга. Так, ничего себе пёсики, с длинными мордами и острыми ушами.

Автобусы катили один за другим, а тот, кто привёз их сюда, не возвращался. Собаки с надеждой смотрели на каждый автобус. Они вертелись под ногами у людей. Их отгоняли, но они не уходили.

– Видал? – спросил меня Чёрный. – Новое пополнение.

Он прошёлся мимо пёсиков туда-сюда, с презрением поцарапал асфальт задней лапой, а потом поднял её и окатил столб. Это означало насмешку и угрозу.

Пёсики поняли и прижались друг к другу.

– Эй, вы, чего здесь делаете? – грозно спросил Чёрный.

– Ждём, – ответили они робко.

– Кого это ждёте?

– Нашего Человека.

– А где же он?

– Он скоро вернётся.

– А вы знаете, что это наше место?

– Нет, не знаем, – тихо ответили пёсики.

Подбежал Крошка, подошёл Головастый, приковылял Хромой, подросла Бывшая Такса, и все уставились на новых собак.

– Видали? – сказал Чёрный. – Они ждут своего Человека. Утром он их привёз, а сейчас уже вечер. Они ещё думают, что он вернётся.

– Ха-ха-ха! – захохотал Крошка.

– Если утром, то, конечно, не вернётся, – рассудил Головастый.

– Да, это самое... – прохрипел Хромой.

– Меня точно так же привезли и бросили, – печально сказала Бывшая Такса, поправляя свой бант.

– Слышали? – сказал Чёрный. – Как вас зовут?

– Вавик и Тобик, – ответили они.

– Что это за имена? – Чёрный презрительно поморщился. – Вавик и Тобик! Разве не стыдно отзываться на такие клички?

– Ха-ха-ха! – заливался Крошка.

– Теперь вы будете просто Новые, – сказал Чёрный. – Ну-ка идите сюда!

– Не пойдём, – ответили те дрожа.

– Не пойдёте? – удивился Чёрный. – Вы не хотите меня

слушаться?

– Мы слушаемся своего Человека, – ответили те.

– А теперь будете слушаться меня! – рявкнул Чёрный. – Ваш Человек просто вас бросил. Он никогда не вернётся!

– Мы не верим, – ответили пёсики.

– А вы знаете, что я здесь главный? – сказал Чёрный, оскалив клыки.

– Не знаем, – твердо ответили пёсики.

– Тогда я вас проучу, – мрачно сказал Чёрный и пошёл к ним вразвалку.

За ним, хоть и нехотя, двинулся Головастый, засеменял Крошка, потянулась Бывшая Такса, заковылял Хромой. Проучить двух молодых пёсиков такой ораве ничего не стоило.

– Не трогай их, Чёрный, – сказал я.

– Не мешай, Гордый, – ответил он.

– Не трогай, – повторил я. – Пусть ждут. Они сами поймут, что их Человек не вернётся, и попросятся к тебе в стаю.

– Мальчики такие скромные, – робко добавила Бывшая Такса.

Хромой кашлянул.

– Они попросятся, – ещё раз сказал я, а сам приготовился заступиться за пёсиков.

– Ладно. – Чёрный остановился, он почувствовал, что я уже начал злиться. – Пусть сами попросятся.

Конечно, ему хотелось дать взбучку новичкам. Он посту-

пал так всегда, чтобы лучше слушались. Но лишняя ссора со мной ему тоже не выгодна. Всё-таки Чёрный меня уважал и всё ещё надеялся, что я стану его правой лапой.

Так в нашем овраге появились две новые собаки. Их так и прозвали – Новые. Первое время они глаз не спускали с автобусной остановки и всё говорили про своего Человека. Какой он сильный, как его боятся соседи, сколько у него дома ошейников и поводков. Новые никак не могли поверить, что их Человек просто обманщик.

Глава 8. В ГОСТЯХ У ЯМОМОТО

Бывают дни, когда небо хворает мокрой лихорадкой. С него так и сыплется мелкая вода. Всё набухает, становится скользким, блестящим, а люди ходят с большими скорлупками над головой.

Мой хороший знакомый кот Ямомото давно зазывал меня в гости.

– Приходи, когда не будет моих, – говорил он. – Окно всегда открыто. Прыгай прямо в окно.

В мокрые дни хорошо где-то погреться и обсушиться. Тогда я решил пойти к Ямомото.

Ямомото встречал меня на подоконнике. Он жил удобно, на первом этаже.

Я разбежался и прыгнул. Высота всё-таки немалая, но я её одолел и очутился в комнате.

Не часто нашему брату доводится бывать там, где живут коты и люди. С лету я поскользнулся на блестящем деревянном полу и порядком его поцарапал.

– Вот здесь я и живу, – сказал Ямомото. Он сразу стал очень важным. Надел две такие стекляшечки, которые носят люди, и начал водить меня по жилищу.

– Ванная, – говорил он, – туалет, гостиная...

Всё это было для меня в новость. Таких слов я не слышал.

Потом Ямомото уселся в кресло, открыл большую книгу

и сказал, что немного почитает про Японию.

– Япония большая страна, – начал он, – в ней много мышей, они подчиняются котам. Самый главный в Японии император Ямомото.

Тут Ямомото посмотрел на меня поверх стекляшек и спросил:

– Может, не веришь? Тогда почитай сам.

Он заставил меня посмотреть в книжку с какими-то закорючками, а потом ещё долго читал про то, как хорошо в Японии и какой хороший император Ямомото.

– А где эта Япония? – спросил я.

– Где? – сказал Ямомото. – Очень далеко. По ту сторону дороги, за тем оврагом, а может, и ещё дальше.

– Да, это далеко, – согласился я.

Какой всё-таки умный мой друг Ямомото! Головастый еле складывает по слогам, а Ямомото читает легко и быстро. Он знает все языки и, когда надевает стекляшки, становится ещё умнее.

Потом Ямомото принялся меня угощать.

– Чай, кофе? – спросил он.

Я отказался.

– Может, по рюмочке валерьянки?

Я снова отказался. Тогда Ямомото торжественно вытащил кусок колбасы и без всяких вопросов положил у меня под носом. Он очень гостеприимный хозяин, понимает толк в угощениях.

Пока я лакомился колбасой, Ямомото говорил без умолку:

– Домашние мне не мешают. Когда хочется побыть одному, я прошу их пойти погулять. Сегодня, например, сказал, что у меня будут гости, и они сразу ушли. Хорошие ребята. Стирка, уборка, готовка – это на них. Я раз и навсегда сказал: времени у меня не хватает. Так что ко мне не пристают. Сплю когда хочу. Ем что желаю. Гуляю где надо.

Ямомото говорил и говорил, а я доедал колбаску. В это время дверь закрипела и отворилась. Это пришли домашние. Ямомото поперхнулся и прервал свои речи.

– Прячься! – зашипел он.

Но куда тут прятаться? Я заметался по комнате. Попробовал махнуть через подоконник. Но нет, без разбега не выйдет.

– Под диван! – шипел Ямомото.

Но поздно. В дверях комнаты появились домашние. От изумления они застыли. Тогда я взял разбег через комнату, сбил цветок и выпрыгнул на улицу. За мной взъерошенным комком вылетел Ямомото. Стекляшки слетели с его носа и брякнули об пол. Вслед нам неслись сердитые голоса.

Мы отдышались только у оврага.

– Видишь, какие они хорошие, какие вежливые, – пыхтел Ямомото. – Другие бы схватили тебя и отдали на живодёрню.

– Да, очень вежливые, – согласился я.

– Знают своё место, – говорил Ямомото. – Когда у меня гости, они тише воды, ниже травы.

Я согласился. И правда, бывают такие злые домашние. А эти ничего. Не гнались за нами, не кидались камнями. Яimoto повезло, что живёт с такими.

Глава 9. МОЛОДЕЦ, СТАВЛЮ ПЯТЬ!

Головастый, конечно, читает хуже кота Ямомото. Но всё-таки читает. А почему? Да потому что он целых два года учился в школе! В самой настоящей человеческой школе на той стороне оврага.

Головастый тогда жил у сторожа, и сторож разрешил ему поучиться. Повезло Головастому. Я как-то сказал:

– Хорошо тебе, Головастый. Если бы я два года учился, я бы и других поучил. Поучи нас, Головастый.

Головастый сразу стал важный.

– Ты не понимаешь, – сказал он. – Учат в школе. А где я вас буду учить?

– А ты поучи нас в овраге.

– Нужна доска, – сказал Головастый.

Доску мы быстро нашли. На стройке сколько угодно досок. Мы оторвали одну от забора и принесли. Головастый с сомнением потрогал её лапой.

– Садитесь все вот так, – сказал он. – Нет, наоборот. Крошка, не хихикай. Такса, подвинься ближе. Нет, лучше давайте по-другому.

Он долго рассаживал нас, а потом спрятался в кусты и вышел оттуда в своей шляпе.

– Здравствуйте, дети, – важно сказал Головастый.

Крошка хихикнул.

– Крошка, иди к доске. – Головастый был очень строг.

Крошка вильнул хвостиком и уселся на доску.

– Отвечай урок!

– Чего? – спросил Крошка.

– По-твоему, я должен подсказывать? – важно сказал Головастый.

– А что такое урок? – спросил я.

– Это такая вещь, которую нужно рассказывать, – объяснил Головастый.

– А чего рассказывать-то? – снова хихикнул Крошка.

– Рассказывай чего хочешь, а я поставлю отметку.

Крошка поднял мордочку кверху и задумался.

– Ну, это... – начал он, – иду я вчера, иду, а в моём ящике сидит мышь. Я за ней кинулся и побежал.

– Поймал? – спросил Головастый.

– Нет, не поймал. Она в норку ушла.

– Молодец, ставлю пять! – сказал Головастый и нацарапал на песке какую-то закорючку.

– Такса, иди к доске! Отвечай урок.

Такса поправила бант.

– Когда я жила на даче, у меня было много еды...

– Ха-ха-ха! – засмеялся Крошка.

– Крошка, не мешай, – сказал Головастый.

– Меня кормили колбасой, – обиженно сказала Бывшая

Такса.

– Ха-ха-ха! Колбасой! Вот умора! – надрывался Крошка.

– Почему ты смеёшься? – спросила Бывшая Такса. На глазах у неё показались слезы. – Да, меня кормили колбасой, и это все знают...

– Молодец, ставлю пять, – поспешно сказал Головастый.

На доску уселись Новые. Они стали хвалить своего Человека. Какой он хороший, какой сильный и смелый. Всё это мы уже слышали, но Головастый сказал:

– Молодцы, ставлю пять.

Быть учителем Головастому очень нравилось. Он даже шляпу сдвинул на одно ухо.

– Хромой, иди к доске!

Хромой, как всегда, стеснялся и бормотал что-то непонятное.

– Это... ну, как-то раз... это самое...

– Молодец, ставлю пять! – с удовольствием сказал Головастый. – Гордый, пойдёшь к доске?

– Ещё ничего не придумал, – сказал я.

– Молодец, ставлю пять! – не слушая, объявил Головастый.

– А мне можно к доске? – спросил Чёрный.

Головастый растерялся и замолчал. Чёрный вышел вразвалочку, пихнул лапой доску и сказал:

– Все вы дураки. Собака должна быть собакой. Зачем ей читать по-человечьи? Зачем носить шляпу? Всё равно Чело-

век не отдаст вам свою одежду и не отдаст еду. Нам достаются только объедки. Вот мой рассказ. Что мне поставишь, Головастый?

– Ставлю пять, – промямлил Головастый и вздохнул.

– То-то, – сказал Чёрный. – И не забывайте, что раньше Человек и Собака разговаривали на одном языке. Нам незачем учиться человеческим словам, пока люди будут такими.

Чёрный прав. Раньше Человек и Собака говорили одинаково. Об этом мне рассказывала мать, когда я был глупым щенком.

Глава 10. КАК ЧЕЛОВЕК И СОБАКА СТАЛИ ГОВОРИТЬ ПО-РАЗНОМУ

Когда Человек и Собака говорили одинаково, они жили вместе и всё делили поровну. У них был маленький домик, огород и поле.

Утром Собака вставала и шла пасти коров, а Человек пахал и сеял. Урожай собирали вместе, пищу ели одну.

Как-то пошли на охоту. Долго гоняли зверя, и Человек сказал:

– Устал я бегать, за тобой не поспеваю. Ведь у тебя четыре ноги, а у меня всего две.

– Ладно, – говорит Собака, – отдохни. Я подгоню к тебе зверя, а ты лови.

Так и стали делать. Собака бегает, гоняет дичь, а Человек стоит на месте и ловит.

Поймают дичь и съедят. Человек говорит:

– Надоело мне жевать сырое мясо. Вон у тебя какие клыки, а у меня маленькие зубы. Свари мне мясо, чтоб мягче было.

– Ладно, – говорит Собака. Сварила ему мясо.

Так и пошло дальше. Человек ест варёное, Собака сырое. Варит, парит Собака, солью посыпает, украшает корешками.

Вкусно! Человек ест больше и больше. Толстый стал, тесно с собакой в домике. Тогда и говорит:

– Здесь повернуться негде. Построй себе конуру. У тебя шерсть, не замёрзнешь, а у меня всего-навсего кожа.

– Ладно, – сказала Собака и построила себе конуру.

А в те времена много страшных зверей бродило по лесу. Соберутся ночью, заглядывают в окна, рычат. Человеку страшно. Говорит Собаке:

– Без тебя спать боюсь, а с тобой тесно. Ты бы ночью отогнала зверей, покричала на них.

– Ладно, – говорит Собака, – покричу.

Ночью собрались страшные звери. Собака вышла и стала кричать:

– Уходите отсюда, загрызу!

Утром Человек говорит:

– Всю ночь ты мне спать не давала. Кричишь «загрызу!» «, а мне страшно. Ты что-нибудь простое кричи, например «гав-гав!»».

Ночью пришли страшные звери, Собака вышла и стала кричать:

– Уходите отсюда, гав-гав!

Утром Человек говорит:

– Опять ты мне спать не давала. Как крикнешь «уходите отсюда!» «, мне кажется, меня из дома выгоняют. Ты лучше просто кричи «гав-гав!»».

Ночью опять пришли страшные звери, Собака на них за-

кричала:

– Гав-гав!

Но и тут Человек недоволен:

– Слишком ты громко кричишь, сон прогоняешь. Я даже худеть стал. Чем кричать, лучше пойди на охоту, принеси мне мяса.

Пошла на охоту Собака, принесла Человеку мяса, сварила, накормила. Человек заснул, а когда проснулся, снова просит еды:

– Эй, Собака, где мясо?

– Гав-гав! – отвечает Собака.

– Что это значит «гав-гав»? – сердится Человек. – Говори, чтобы понятно было.

– Гав-гав! – отвечает Собака. – Пока мы жили, как брат с братом, я говорила понятно. Теперь нам не о чем разговаривать. Пока не исправишься, буду говорить с тобой «гав-гав!».

Так и вышло, что Собака перестала разговаривать с Человеком. Человек с тех пор немного исправился. Сам на охоту ходит, сам себе мясо варит. Но, видно, ещё не пришло время помириться с ним до конца. Поэтому Человек только и слышит от Собаки: «Гав-гав!»

Вот что рассказала мне мать, когда я был ещё маленьким щенком.

Глава 11. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЯМОМОТО

Мой добрый приятель кот Ямомото решил переселиться на дерево. Дело в том, что он поссорился со своими домашними и оказался на улице.

– Видишь ли, – объяснил он, – им не понравилось, что ты пришёл ко мне в гости, разбил цветок и наследил. Но я суров. Они у меня тише воды, ниже травы.

Ямомото принялся зализывать лапу.

– Болит? – спросил я.

– Немножко. С хозяином дрался. Он, видишь ли, на меня замахнулся. Но я строг. Я так дал ему лапой, что он покатился кувырком. Как думаешь, я не сильно его ударил? Быть может, я слишком непреклонен?

Я похвалил Ямомото. Надо уметь постоять за себя.

– Да, силёнка у меня есть, – согласился Ямомото, – потрогай мускул. Но теперь я хочу пожить отдельно. Пусть они узнают, что значит жить без своего Ямомото. Без своего доброго, умного императора, который о них так заботился. Пусть они сами готовят обед, подметают пол, пусть сами наливают молока в мою мисочку. Неблагодарные!

Ямомото промокнул лапой слезинку.

– Не расстраивайся, – сказал я, – проживём.

– Конечно, проживём, – сказал Ямомото, – я решил переселиться на дерево.

– На дерево?

– Да. Построю себе гнездо рядом с галками. Это очень удобно. На обед буду брать по одной галке.

Я засомневался, что чернухи так легко согласятся с Ямомото.

– А почему? – удивился тот. – Что им, жалко? Ведь их так много. Никогда не понимал этих галок. Все чёрные, одинаковые. Какая им разница, если на одну станет меньше? Было бы меня столько, я бы не жадничал, подарил пару штук себя на шапку хозяину.

Ямомото долго раздумывал, как строить гнездо. Потом позвал меня и сказал:

– Садись вон там и слушай. Называется «доклад». Когда кончу, похлопай мне лапами. Понял?

Он поправил усы и начал:

– Я решил построить гнездо. Соберу сто палочек, двести прутиков, пятнадцать корешков одуванчиков, соломинки, шерсть, волоски, мох, тряпочки, а также большой замок с двумя ключами. Самое главное, чтобы гнездо запиралось. Я кончил. Хлопай, Гордый.

Я изо всех сил постукал лапой об лапу. Ямомото поклонился.

– Называется «доклад», – важно повторил он.

С утра Ямомото принялся строить гнездо. Я помогал ему,

как мог. Таскал палочки и прутьики, а от себя добавил картонную коробку.

Не успел Ямомото пристроить на дереве первые прутьики, как подлетела чернуха и что-то гаркнула ему в самое ухо. Ямомото отшатнулся и чуть не свалился вниз.

– Грубиянка! – сказал он.

К полдню на дереве что-то чернело. Издали это напоминало кучу мусора. Птицы так и кружили рядом и всё кричали, кричали.

– Самое главное – замок, – пыхтя сказал Ямомото. – Гнездо должно запираться. Эти галки житья не дадут.

Я спросил, куда он повесит замок. На его гнезде и двери-то нет. Ямомото задумался.

Пока он размышлял, я побежал обедать. Когда вернулся, увидел печальную картину. Галки ломали постройку Ямомото и разделявали под орех моего доброго друга.

Их было видимо-невидимо. От них почернело небо. Откуда взялось столько птиц? Они носились кругами со свистом и долбили крепкими клювами гнездо и его строителя.

Шерсть летела клочками, сыпались с дерева палочки, прутьики, свалилась картонная коробка, а под конец сам Ямомото плюхнулся рядом со мной, отчаянно размахивая лапами.

– Видишь ли, – сказал он, отдышавшись, – им не понравилось, что я император. Но я суров. Видел, как я дал лапой одной? Она полетела вверх тормашками!

Я посочувствовал Ямомото.

– Не понимают своего счастья, – сказал он. – Я бы навёл у них порядок. Пусть теперь живут одни. Пусть их бьёт град, пусть мучит холод и голод. Тогда они пожалеют, что остались без своего доброго, умного императора.

И Ямомото вытер лапой под носом.

Глава 12. КАК-ТО НОЧЬЮ

Кот не собака. Спать не пристроится где угодно. Я всегда завидовал Ямомото, что тот может пролезть в любую дырку.

Например, подвал. Собаке туда не попасть, а Ямомото но-чует в подвале, как у себя на квартире.

Но и Ямомото мог бы позавидовать мне. Кто такой кот против собаки? Окажись в ту ночь на моём месте простой кот, он не смог бы помочь своему Человеку.

Я как раз возвращался с ночного дозора. Спасибо ещё и Балконному, что задержал меня у песочницы. Рядом с песочницей вьётся дорожка, по ней ходят люди. Но в такой час редко кто здесь появится.

Бежал я, раздумывал. Тут слышу тихий такой шепоток:

– Эй, эй, приятель!

Поднимаю голову. Вижу, сквозь прутья решётки торчит белый нос Балконного.

– Эй, – говорит, – постой-ка!

Я остановился, спрашиваю:

– Что же ты не ругаешься?

Балконный вздохнул.

– Не хочется. А как там на улице, хорошо?

– Очень, – говорю, – выходи, погуляем.

– Не могу, – отвечает Балконный, – меня только сюда выпускают.

– Что же ты, не собака? – спрашиваю.

Балконный опять вздохнул.

– Задние лапы у меня слабые, почти не ходят. Болел я недавно, а теперь лапы не ходят.

Тут стал меня Балконный расспрашивать. Как пахнет трава в овраге, есть ли там мыши-полёвки, куда течёт ручей. Про всё спросил.

Вот и спасибо ему, что задержался я около песочницы. Тут вьётся дорожка. А по дорожке этой шёл мой Человек.

Он шёл себе, шёл, и сердце у меня радостно заколотилось. Но тут навстречу моему Человеку вышли двое. Они вышли из темноты и подошли близко. Они сказали:

– Дай закурить.

Я спрятался за песочницу и стал смотреть.

Мой Человек порылся в кармане и дал им закурить.

– А спички? – спросили они.

Он дал им и спички.

– Сколько времени? – спросили они.

– Поздно, – ответил он и хотел пройти.

Но они не пустили.

– Пойдём с нами, – сказали они. – Надо поговорить.

– О чём? – спросил он.

– Надо, – сказали они.

Тут шерсть у меня стала подниматься дыбом. Не с добром подошли эти двое.

– Дайте пройти, – сказал мой Человек.

– Пойдём с нами, – сказали они.

– Я иду домой, – сказал он.

– Надо поговорить, – сказали они.

Я стал весь как пружина. Сжался в упругий комок, глазами так и вцепился в этих двоих. Я только ждал, когда они тронут моего Человека.

– А ты парень ничего, – сказали они.

– Пропустите, – сказал он.

И тут они кинулись на него.

Что бы делал без меня мой Человек? Стрелой вылетел я из-за своего укрытия. С коротким рыком врезался в нападавших. Ярость душила меня. В эту минуту я мог выйти против ста людей, если бы они тронули моего Человека.

Я цапнул одного, цапнул другого. Они упали и поползли на четвереньках. Я метался между ними и всех кусал.

Ох, как они испугались! Они кричали, что я бешеный, и звали на помощь. А тут ещё Балконный решил поддержать меня и завопил что есть мочи сверху:

– Всех, всех перекусаю, в клочья рраздеру!

В доме зажглись окна, высунулись сердитые люди. Мой Человек позвал меня, и мы быстро ушли. Он гладил меня по голове и говорил:

– Спасибо тебе, уважаемый. Ты настоящий друг.

И он повторил это несколько раз.

Глава 13. СОН

А потом мне приснился сон. Я нашёл собачью дверку, открыл её, а там стоял мой Человек.

На нём высокие сапоги, шляпа с белым пером, в руке блестящее ружьё. Яркое, яркое солнце. Глубокое, глубокое небо.

– Смотри, оно синее, Гордый! – говорит мой Человек.

И я вижу, небо синее, очень синее, а трава зелёная. Куртка на моём Человеке коричневая с жёлтым узором. Какое всё разное и красивое! Как же я не замечал этого раньше?

Я ношусь большими кругами, почти летаю. Чуть трону лапами землю и взмываю в воздух. Я перепрыгиваю камни, кусты и целые деревья.

Мой Человек останавливается. Он поднимает блестящее ружьё и ведёт им по синему небу. Бух! Из ружья вылетает фонтанчик, и разноцветная птица падает на землю.

Я мчусь к ней, осторожно беру зубами и приношу моему Человеку.

– Молодец, Гордый! – говорит он.

Он снова поводит ружьём, и снова – бух! – ещё одна птица падает в кусты.

А мы идём, идём. Вокруг нас луга, ручейки и белая пена цветов. Небо стоит круглым куполом. Снизу светлое, вверху бездонное, синее.

И вот мы подходим к опушке. Лес нас встречает прохладой.

– Здравствуй, дедушка Лес! – кричит мой Человек.

И дедушка Лес вздыхает шумно:

– Жа-арко, уважаемые...

Вдали сквозь деревья заблестела вода, и мы побежали к ней. Хохочем, смеёмся. Окунулись и сделали радугу брызгами.

– Здравствуй, тётушка Река! – кричит мой Человек.

– Бл-бл-баловники, – бормочет она добродушно.

Мы искупались. Мокрые и довольные шагаем дальше. Встречаем поляны с большими красными ягодами, продираемся сквозь чащу. Долго идём, устали. А вот и овраг. Здесь отдохнём.

– Здравствуй, дядюшка Овраг, – говорит мой Человек. – Можно полежать у тебя на боку?

– Ладно уж, – соглашается дядюшка Овраг.

Мы кидаемся в сочную голубую траву, катимся по ней, замираем.

– Мы с Гордым друзья, – говорит мой Человек. – А как ты поживаешь, дядюшка Овраг?

– Да уж так, – отвечает тот.

– Ты тоже наш друг, – говорит мой Человек. – Мы любим лежать у тебя на боку.

– Ну уж... – говорит он.

Так и лежим, смотрим в небо.

– Что там, Гордый? – спрашивает мой Человек. Я вижу в небе большую красивую птицу. Но мой Человек не берёт блестящее ружьё. Он вынимает дощечку и тонкие палочки. Он начинает трогать дощечку, и на ней появляется птица ещё красивей той, которая в небе.

Потом он берёт дощечку и бросает её в небо. Дощечка летит, летит, кувыркается. И вдруг из неё выпархивает ослепительная, огненная птица. Та самая, которую он вывел своими палочками. Она взмахивает крыльями и мчится к солнцу.

– Ура! – кричит мой Человек.

Он вскакивает, пляшет, размахивает руками. Он хватается блестящее ружьё и палит в сторону, чтобы не задеть птицы. А она улетает всё выше и выше.

– Полетела, полетела! – кричит мой Человек.

Я тоже прыгаю, лаю. Мне весело, потому что весело моему Человеку. И дядюшка Овраг доволен, бормочет:

– Ну уж, молодцы...

Какой замечательный сон! Он снился мне долго-долго. Пока что-то не забухало, не затарахтело.

Я приоткрыл глаза. Оказывается, лежу в своей ямке. Низкое небо, моросит. В овраге работают машины. Начался новый день.

Глава 14. КАК КОМУ ПОВЕЗЕТ

Собачья жизнь такая. Сегодня у тебя в зубах кость, а завтра не знаешь, как уцелеть.

Вчера Хромой притащился едва живой. Он, как всегда, побирался в поезде, и его там здорово стукнули. Было у него три лапы, а теперь и вовсе на двух приполз.

Терпел Хромой молча, только слезы в глазах стояли. Бедный Хромой, за что его так ударили?

Зато повезло Новым. Я сам это видел. У дома стояла машина, взрослый человек что-то в неё укладывал. Рядом вертелись Новые, ждали, может, чего перепадёт.

Тут из подъезда вышла девочка. Я знал эту девочку, как-то она угостила меня кусочком мяса. Девочка сказала:

– Папа, такие хорошие собачки, они тут всегда ходят.

Папа ничего не ответил, возился со своей машиной.

– Папа, как раз мне и Маше. Давай их возьмём на дачу.

Папа ничего не ответил.

– Я буду с ними играть, а они посторожат сад.

Ничего не сказал папа.

– Собаки, собаченьки, идите сюда, – позвала девочка.

Новые завиляли хвостами и подбежали. Я, наоборот, отошёл. Если девочка меня не зовёт, то и не надо. Она уже дала мне кусочек мяса. А теперь у неё ничего нет.

– Собаченьки, собаченьки, – говорила девочка и гладила

Новых.

Те прыгали, визжали от удовольствия, а Тобик перевернулся животом вверх и задрогал лапами. Противная привычка.

– Папа, давай их возьмём на дачу, – сказала девочка.

Папа ничего не ответил.

– Давай, пап, а?

– А зимой куда денем? – спросил папа. – Лето кончается.

– Зимой отдадим дяде Коле.

– У дяди Коли есть собака.

– Ну будут ещё две. Он любит собак.

– Как хочешь, – сказал папа, и машина его заурчала.

Девочка открыла дверцу и позвала:

– Идите сюда, пёсики. Поедем на дачу. На даче хорошо.

Новые вопросительно посмотрели на меня. Все мы наслушались рассказов Таксы про дачу. На даче не жизнь, а рай для собак.

Я, конечно, обиделся на девочку. Почему бы ей не позвать меня? Никуда я не поеду, у меня тут свой Человек, да и овраг не брошу, но всё-таки...

– Идите, идите, – звала девочка.

По всему видно, девочка добрая. Да и папа не злой. Не стоило Новым упускать такой случай.

– Ладно, идите, – сказал я.

– А Чёрный, – спросили они, – Чёрный не рассердится?

Чёрный, наверное, не отпустил бы Новых. Чёрный людям

не верит. Но Чёрный сейчас на той стороне оврага.

И Новые пошли.

– Если не понравится, мы вернёмся, – сказали они, а сами были очень рады. Не каждый день добрая девочка приглашает собак пожить на даче.

Бочком они влезли в машину, дверца захлопнулась, и Новые укатили.

Я погрустил немного. Недолго побыли Вавик и Тобик в Собачьем овраге. Редает стая. Чёрный будет ругаться, что я отпустил Новых. С кем ходить ему в ночной дозор?

Вот и Хромой выбыл из строя. Уж если кому отдыхать на даче, так это ему. Но собачья судьба как головка пушарика. Дунет ветер – пушинки в одну сторону, дунет ещё – в другую.

Больше всех сокрушалась Бывшая Такса:

– Ах, почему я не поехала с Новыми!

Глава 15. ЛЕТО К КОНЦУ

В конце лета быстро темнеет, ночью прохладно, а с дерева нет-нет да слетит высохший лист. Недалеко время серебряной паутины. Земля облезет, как шерсть у собаки, с неё сдерут траву и сожгут на кострах.

Хромой не поправляется, наоборот, хворает всё больше. Рана его не заживает. Чёрный сказал:

– Плохо твоё дело, Хромой. Говорил, не ходи побираться.

Хромой что-то хрипит в ответ, даже не поднимает морду.

Как быстро промелькнуло лето! Скоро начнутся дожди, задуют ветры, и тогда снова ищи тёплый угол да корку хлеба.

В овраге посветлела трава, от неё пахнет сладким дурманом. В погожие дни я часто пристраиваюсь в какой-нибудь ложбинке, качаю носом цветы, смотрю на больших стрекоз и разговариваю с оврагом.

– Помнишь, дядюшка Овраг, как мы ходили к тебе с моим Человеком? Что он тебе сказал? «Гордый – мой лучший друг!»;»– вот что сказал тебе мой Человек.

Дядюшка Овраг шелестит что-то в ответ и щекочет меня большой травинкой.

– Да, – говорю я, – скоро зима. Но знаешь, где я буду жить, дядюшка Овраг? Я буду жить с моим Человеком.

Он сам мне сказал: «Приходи и живи со мной, Гордый». А если не веришь, дядюшка Овраг, спроси у кота Ямомото.

К осени ближе наливаются грустью собачьи глаза. Особенно это заметно по Бывшей Таксе.

– Ах, я всё вспоминаю нашу дачу, – вздыхает она, – какая это была жизнь! Мне отвели целую комнату. Только подумайте, целую комнату для собаки!

– Ха-ха-ха! – начинает свою песню Крошка.

– Когда он смеётся, мне делается грустно, – говорит Бывшая Такса.

– Это потому, что ты не умеешь читать, – сказал Головастый. – Когда мне грустно, я читаю про сенокос и уборку урожая.

– Ты такой умный, – сказала Бывшая Такса, – почти как мой Человек. Его звали Профессор. Хочешь, я буду звать тебя Профессором, Головастый?

Головастый смутился и сразу напялил шляпу.

К осени ближе чешется бок у собаки. Почешешь слева, почешешь справа, и под кожей начинается озноб. Это морозец грозит издалека. Напоминает, что нужно привести в порядок мех, иначе плохо придётся бездомным.

Головастый уже начал собирать старые газеты. В холод он делает из них подстилку. Головастый любит спать на газетах. Проснётся, прочитает словечко и снова заснёт. Утром вместо завтрака всё бормочет себе под нос: «Рек-лам-ная смесь... Ку-да пой-ти учить-ся...»

Крошка утепляет свой яблочный ящик и радуется, что скоро приедут дети. Зазвенит в школе звонок, и они побегут,

махая портфелями. Крошку все любят. Станут гладить, обнимать, совать в пасть конфеты.

В конце лета луна делается ярче и ярче. Хромой каждую ночь воет: «Дайте Хромому, подайте Хромому, киньте хоть маленький осколочек луны! Серебряную крошку, маленькую крошку, чтобы дожил Хромой до весны!»

Только не знаю, долго ли протянет Хромой. Мой добрый приятель кот Ямомото сказал:

– Я бы его поставил на ноги. Но не умею лечить собак.

А денёчки такие славные! Тёплые, спелые, как большая ягода. Наш овраг ещё радуется вольных псов. Там, где не соскребли и не разрыли землю, всё заросло буйной травой. Между кучами глины пробирается ручеёк. Целые дни мы проводим в овраге. Играем в охоту, в собачью догонялку.

Только Хромой уже не играл. Кончились игры Хромого. В эти последние тёплые дни расстались мы с бедным Хромым.

Глава 16. ПРОЩАНИЕ С ХРОМЫМ

Он лежал, уткнув морду в лапы. Шерсть на боку облезла, рана стала ещё больше.

Все наши сидели вокруг.

– Хочешь есть? – спросил Чёрный.

– Не знаю, – прохрипел Хромой.

– Принесите ему кость, – приказал Чёрный.

Кто-то сбегал за костью. В тайнике Чёрного всегда лежит косточка, хотя и обглоданная.

Хромой понюхал кость, хотел подвинуть её лапой, но не смог.

– Чего тебе хочется? – спросил Чёрный.

– Солёной травки, – прохрипел Хромой.

Солёной травки! Где её взять? Место, где росла солёная трава, давно завалено землёй и камнем. Мы знали, только солёная трава могла помочь Хромому. Но это раньше. Теперь и солёная трава не нужна. Наступил последний денёк Хромого.

– Поищите ему солёной травы! – приказал Чёрный.

Все молча разбежались по оврагу. Нет солёной травы, но ведь надо что-то найти Хромому. Когда плохо кому-то из наших, мы стараемся принести угощение.

В прошлом году захворал Отпетый. Помню, я принёс ему веточку, намоченную в нашем ручье. Отпетый полизал её и сказал, что ему хорошо. К лету, кроме Отпетого, мы недо- считались ещё троих. Ленивый попал под машину, Тихий пропал, а Красивую заманили и увели с собой какие-то люди.

Мы снова собрались в кружок. Каждый принёс что мог. Корку, огрызок яблока, обёртку от сладкой конфеты. Я положил перед Хромым золотое колечко. Пусть полюбуется на- последок.

– Спасибо, – прошептал Хромой.

– Прощайтесь! – строго сказал Чёрный.

– До свидания, Хромой, – сказала Бывшая Такса и убежа- ла.

– До скорого, Хромка! – бросил Крошка, махнув хвости- ком.

– Чао, – важно произнёс Головастый, он любил незнако- мые слова.

Остались мы с Чёрным. Чёрный ждал, что я попрощаюсь и уйду первым. Но я сидел молча. Здесь я не уступлю Чёрному.

Так просидели долго.

– Ладно, Гордый, – сказал наконец Чёрный, – я не такой, чтобы ссориться, когда кто-то умирает.

Он встал, прикоснулся носом к носу Хромого и сказал:

– Главное, ничего не бойся.

– Я и не боюсь, – прохрипел Хромой.

Чёрный ушёл. Мы остались одни. Солнце оседало за до-

рогой. Ползли по земле тени, одна накрыла Хромого.

– Гордый, – прошептал он, – ты это... знаешь, где у Коро-
вьего куста лежит кривая дощечка?

– Знаю, – ответил я.

– Там это... мой мячик спрятан. Возьми себе.

– Ладно, – сказал я.

– Хороший мячик. Совсем новый, только с дыркой. Возь-
ми. С ним хорошо играть.

– Ладно, – сказал я.

– Прыгай и бей его носом, – советовал Хромой. – Ты хо-
рошо прыгаешь.

Первый и последний раз я слышал, как Хромой разгово-
рился. Пересилил себя напоследок.

– Гордый, это самое... – прохрипел он. – Надень мне на
нос колечко.

Я взял золотое кольцо и повесил его на нос Хромому. Оно
вспыхнуло в лучах заходящего солнца.

– Красиво, – пробормотал Хромой.

Это были его последние слова. В овраге стало ещё на од-
ного вольного пса меньше.

Глава 17. МЕСТЬ ЧЕРНОГО

– Я им отомщу! – сказал Чёрный.

Он говорил это каждый раз, когда уменьшалась стая. В глазах его светилась тоска. Я знал, как он переживает. И тогда я решил сказать:

– Не горюй, Чёрный. Я буду вместо Хромого.

Чёрный встрепенулся.

– Ты идёшь в стаю, Гордый?

– Да, Чёрный. Я буду вместо Хромого.

Чёрный выпрямился и крикнул звонко:

– Построиться!

Я встал первый, за мной Головастый, Крошка и Бывшая Такса.

– Друзья! – сказал Чёрный, глаза его горели. – Гордый вступает в стаю. Он будет моей правой лапой. Поклянёмся ещё раз стоять друг за друга и никогда не разлучаться!

– Рррав! – гаркнули мы.

– Поклянёмся не забывать Хромого!

– Рррав!

– Поклянёмся отомстить взрослым!

– Поклянёмся! – радостно крикнул Крошка.

Остальные глухо тявкнули.

– Как же мы будем мстить? – Чёрный обвёл нас взглядом.

Я сказал, что надо наказывать того, кто ударил Хромого.

Только вот как его найти?

Головастый важно заметил, что найти будет трудно. Крошка хихикал, а Бывшая Такса вздыхала.

– Я смотрю, вы ничего не можете придумать, – сказал Чёрный. – Бойтесь людей. Хорошо. Я никого не заставляю. Я отомщу сам. Кто пойдёт со мной?

– Я! – выкрикнул Крошка.

После этого среди бела дня Чёрный и Крошка напали на взрослую. Она прогуливалась вдоль оврага. Взрослая испугалась и побледнела.

Чёрный прыгал на неё и клал зубы. Крошка мельтешил рядом и заливался весёлым лаем. Для него это забава, а для Чёрного удовольствие. Чёрный любит, когда боятся.

– Они меня ещё попомнят, – проворчал он.

На другой день Чёрный и Крошка стали пугать всех подряд. Притаются за углом, выскочат, облают и убегут.

Все это не очень мне нравилось. Я ждал неприятностей. Так скоро и вышло. Один взрослый не испугался. Он схватил камень и бросил в Чёрного. Тогда Чёрный разозлился и укусил взрослого за ногу.

Это уже не шутки. Мы убежали в овраг и спрятались. Чёрный ещё дрожал от азарта.

– Я им покажу! – рычал он. – Пусть ещё раз кинут камнем!

Но и сам он чувствовал, что хватил лишку. Люди не любят, когда их кусают.

Глава 18. БОЛЬШАЯ ПЕСНЯ

Первую недобрую весть принёс кот Ямомото. Ямомото прибежал напуганный.

– Прячься, Гордый, – прошипел он, – тебя отправят на живодёрню.

Ямомото слышал разговор взрослых. В овраге появились бешеные собаки, они кусают людей. Несколько покусали днём, а двоих ночью. Этим собак нужно поймать.

У меня всё внутри упало. Значит, нажаловались и те двое, от которых я спас своего Человека. Плохо нам теперь придётся.

– Я бы позвал тебя жить к себе, – сказал Ямомото, – да сам понимаешь, надо проучить домашних. Пускай поскучают. Мне и на улице хорошо.

Наши собрались в кружок и стали думать. Не пора ли переселяться? Но куда? Справа дорога, слева дорога, носятся машины, грохочут поезда.

Жалко, что мы не звери. Тогда бы сбежали в лес. Лес синее вдали. Там нет домов и людей, но, значит, нет и пищи.

Словом, податься некуда.

– Надо им всё объяснить, – размышлял Головастый. – Надо сказать, что Чёрный не хотел кусать, но в него кинули камнем.

– Вот и объясни. – Чёрный мрачно усмехнулся.

– Какая жалость, что нас не учили по-человечьи, – сказала Бывшая Такса. – Моя подруга по даче умела говорить «мама».

Катились денёчки, и мало-помалу мы успокоились. Дети такие добрые и ласковые. Прозвенит звонок, они высыпают из школы, и начинается беготня и забавы. Намаешься за день, забудешь про все невзгоды.

Ночью мы поглядываем на луну. Пришло время большой песни. Эту песню мы поём раз в год перед зимой. Рассказываем луне, как прошло лето, просим, чтобы зима была по-теплее.

Начинает всегда Крошка. Крошка поёт хорошо, никогда не сбивается. Он пел про свой ящик, который пахнет яблоками. Крошка утеплил ящик соломой и глиной, сделал подстилку из сухой травы, но эту траву растаскивают мыши. Крошка просил луну, чтобы ночная птица-ковырун не мешала ему спать, не садилась на ящик.

Головастый, как всегда, начал хвалиться, что умеет читать.

Свою песню Головастый исполнял в шляпе. Он вытягивал к луне лапу, прикладывал её к груди, а в конце разошёлся и стал петь прямо по газете:

– «В но-овый год пятилее-тки вступит заа-втра завод!»

Никто не имеет права прерывать большую песню. Даже Чёрный терпел, пока Головастый допоёт луне свои глупости.

Бывшая Такса пела про свой бант. Она жаловалась, что

бант порвался, а раньше был красивый и чистый. И Такса просила, чтобы кто-нибудь привязал ей на шею новый бант с крапинками.

– Как жалко, как жалко, что нас не учили завязывать бант! – пела Такса.

Чёрный проклинал человечьи машины, жалел овраг. Чёрный жаловался, что собакам не стало житья, а потом стал звать Хромого:

– Эй, Хромой, я тебя вижу, вон ты сидишь на луне! Эй, Хромой, расскажи мне, Чёрному, как ты живёшь на луне! Эй, Хромой, приготовь мне место, скоро и я буду жить на луне!

А моя песня была совсем короткой. Я спел луне, что она такая же блестящая, как ружьё моего Человека. Я спел луне, что она такая же круглая, как собачья дверка.

– А за этой дверкой, за этой дверкой так хорошо собаки живут!

А наутро после большой песни всё и случилось.

Глава 19. ЖЕЛЕЗНАЯ КЛЕТКА

Началось с того, что прибежал Крошка и, запыхавшись, крикнул:

– Еду кидают!

Кто кидает, где? Бывают, конечно, радости в жизни собаки. Например, у магазина появится гора костей. А то в мусорный ящик попадёт целый кулёк с мясными объедками. Уж тут гляди, не зевай.

Крошка умчался, а я побежал, искать Ямомото. Может, и ему перепадёт немного. Это меня и спасло, а то бы попался, как Крошка.

Когда мы с Ямомото прибежали за едой, Крошка и Головастый уже сидели в железной клетке. Рядом расхаживал человек с большой верёвкой. Крошка и Головастый печально смотрели из-за решётки.

Кругом носился Чёрный и яростно ругал растяп:

– Зачем полезли? Зачем брали у него мясо?

– Он дал мне мясо, – объяснял Головастый, – а потом кинул на шею петлю. Я чуть не задохнулся. Скажи ему, чтобы он отпустил нас.

Чёрный рычал и метался вокруг железной клетки.

– Отпусти их! – хрипел он. – Отпусти, негодяй! Я тебя покусая!

– Иди сюда, псина, иди, – звал человек и бросал на Чёр-

ного петлю.

Но Чёрный уворачивался.

– Чёрный, беги! – крикнул я. – Поймают!

– Конец им пришёл, – прошипел Ямомото, – отправят на живодёрню. Бежим, Гордый.

– Чёрный, беги! – крикнул я.

– Я их спасу! – рычал тот. – Я его покусую!

Но тут человек ловко набросил петлю. Чёрный взметнулся вверх, забился.

Ещё мгновение, и человек перебросил Чёрного через высокую решётку.

– Негодяй, негодяй! – рычал тот и грыз железные прутья.

– Бежим, Гордый, – торопил Ямомото.

Но я не мог бросить своих. И так же, как Чёрный, я стал носиться вокруг клетки, рычать и лаять.

– Гордый, уходи! – крикнул Чёрный. – Спасайся!

Вокруг стали собираться люди. Они говорили:

– Не издевайтесь над собаками! Отпустите собак!

Человек с верёвкой ответил:

– Сами жаловались, что есть бешеные. А если вас бешеные покусают?

Дети хором кричали:

– Отпустите собак, отпустите!

Некоторые плакали.

Головастый никак не мог понять, за что он попал в клетку.

– Гордый, – бормотал он, – скажи, чтобы меня отпустили.

Ведь я умею читать. Скажи им, что я умею читать.

А Крошка начал смеяться. Он начал смеяться над Головастым, а может, и сам не знал, над чем. Он смеялся, смеялся, а потом стал плакать. Плакал и смеялся, и снова плакал.

– Не плачь, Крошка, не плачь! – рычал Чёрный. – Я не дам тебя в обиду. Я всех покусаяю! Гордый, беги!

И тут я почувствовал, что петля схватила меня за шею. Она сдавила горло, в глазах помутилось, и я упал на землю.

Когда я очнулся, кто-то говорил:

– Это моя собака, отпустите её!

И я увидел моего Человека. Он нагнулся, снял петлю и погладил меня по голове.

– Если это ваша собака, то где её ошейник? – спросил тот, с верёвкой. – Это не ваша собака. Я отпущу её, а она снова будет всех кусать.

– Нет, – твердо сказал мой Человек. – Это моя собака.

– Покажи номер, – сказал тот.

Тогда мой Человек вынул из кармана бумажку. Человек с верёвкой спрятал её в карман и сказал:

– Ладно, бери собаку. Только надень ошейник. Мы ловим всех бездомных собак.

Я не мог стоять, ноги дрожали от слабости. Тогда мой Человек взял меня на руки и сказал:

– Пойдём домой.

И он унёс меня от железной клетки, в которой рычал Чёрный, плакал Крошка и бормотал Головастый. Больше я их

не видел.

Глава 20. ДО СВИДАНИЯ, ОВРАГ

Вот и всё. Кончилась наша жизнь в овраге. Для меня началась новая. Мы уехали и целый месяц бродили с моим Человеком по осенним лесам.

В лесу так здорово! Сбылась моя мечта. Я шёл рядом со своим Человеком и зорко смотрел по сторонам. Мы продирались сквозь чащи, переплывали реки, ночевали у костра. За это время я сильно окреп.

Мой Человек иногда вынимал свои картоночки и трогал их палочками. А однажды на картонке появилась та птица, которую я видел во сне.

Мы вернулись в город, когда уже выпал снег. Овраг покрылся белой пеленой. Замёрзло болотце. Дети катались на санках, бегали на коньках.

Я сразу встретил Балконного. Его теперь выводят гулять в тёплой ватной попонке. Ноги у него поправляются, и он совсем перестал ругаться.

Мой добрый приятель кот Ямомото помирился с домашними и снова живёт в тепле и достатке. Он рассказал, что несколько раз видел Бывшую Таксу, а потом она пропала.

Мой Человек не держит меня на привязи. Целый день я гуляю где хочу, а спать прихожу домой. Все знают, что у меня есть Человек. Соседи поругались-поругались, а потом привыкли.

Утречком, когда скрипит снег, мы выходим гулять вместе. Я ношусь по ровному снегу и вспоминаю. Вот здесь была моя пещерка, тут лежала доска, а здесь пряталось золотое колечко.

Мне кажется, что овраг спит крепким сном. Тепло под белым пушистым одеялом. Я разгребаю снег носом, прикладываю ухо к земле и говорю:

– Ты слышишь меня, дядюшка Овраг?

– Ш-шуу... – чудится мне в ответ.

– Ты спишь? – спрашиваю я.

– Ш-шуу... – повторяет он.

Тогда я вспоминаю всю свою неприкаянную собачью жизнь, холод и голод. Теперь у меня есть тёплый угол, своя постелька. Чего ещё желать?

Вечером мой Человек долго не тушит свет. Я подрёмываю, смотрю, как он орудует палочками. А потом к нам приходит дядюшка Овраг.

Сначала он долго шаркает за дверью ногами, побряхтывает. Мой Человек открывает дверь и приглашает:

– Входи, дядюшка Овраг, входи. Мы тебя ждём.

Дядюшка Овраг кланяется низко, говорит:

– Здравствуйте, уважаемые.

Мы кипятим чайник, ставим на стол варенье. Дядюшка Овраг пьёт из блюдечка, щёлкает сахаром, говорит:

– Хорошо, уважаемые.

– Пей, пей, дядюшка Овраг, – угощает мой Человек. – Да-

вай я тебя нарисую.

Дядюшка Овраг садится на стул, делается важный, и мой Человек рисует его на большом листе бумаги. Потом я подсаживаюсь к дядюшке, и мой Человек рисует нас вместе.

Мы снова пьём чай. Дядюшка Овраг выпивает целых десять стаканов. Ему жарко, он доволен. Он говорит:

– Да уж...

Потом я ложусь спать и прошу:

– Дядюшка Овраг, расскажи сказку.

Он морщит лоб, думает, потом начинает:

– Да... жили-были собачки. Хорошие псы. Одного звали Гордый, другого Чёрный, третьего Головастый. Да... И ещё был Крошка, тоже хороший пёсик. Ну и Бывшая Такса с ними. Жили они, поживали, со мной дружили. Хорошие были собачки.

– А Гордый хороший? – спрашиваю я.

– Хороший, хороший, – отвечает он. – Один ты у меня остался, остальные ушли, бросили.

– Они ещё вернутся, – обещаю я.

– Да уж, вернутся... – бормочет дядюшка Овраг. – Стареею я. Понасыпали на меня всякого, домов понаставили, да... Тяжело. Бок зачесется, и почесать некому.

– Я почешу, дядюшка Овраг.

– Да... К весне, глядишь, совсем засыпят. Что тогда делать? Где травки солёной возьмёшь?

– Да её давно нету, – говорю я. – Травку ту давно уж гли-

ной засыпали. Но может быть, новая вырастет?

– Да... – бормочет он, – вырастет... Ну я пошёл. Спасибо, чайком напоили. Утром придёшь гулять?

– Приду, дядюшка Овраг.

– В снежки поиграем, – говорит он, довольный.

Утром я ношусь по чистому снегу. Мой Человек бросает палку, я хватаю и приношу её обратно. Мы бегаем, веселимся. Дядюшка Овраг смотрит и тоже радуется.

– Молодцы, – бормочет он. – Кабы все так...

И он обдаёт нас снежной пылью, катает на спине. Зима всё дальше, небо светлее. Потом будет весна, придёт лето.

Летом устрою себе дачу. Возьму Крошкин ящик, поставлю за Диким кустом. Летом в овраг придут другие собаки. А может, вернутся Новые или Бывшая Такса...

Так я мечтал, а вышло совсем по-другому. В конце зимы мой Человек получил новое жильё, и нам пришлось переехать. Будем теперь жить без соседей, никто не заворчит, если я наслежу на полу.

В самый последний день я побежал прощаться с Оврагом. Сколько здесь навалило снега! Я долго рыл лапой, пока добрался до чёрной травы.

– Ты слышишь меня, дядюшка Овраг? – спросил я.

– Ш-шуу... – ответил он.

– Я уезжаю, слышишь? Я уезжаю.

– Ш-шуу...

– Но я тебя навещу, дядюшка Овраг. Вот лето придёт, и

я тебя навещу.

– Ш-шуу... – шуршало кругом.

Я ткнул в траву носом и тихо сказал:

– До свидания.

– Ш-шш... – донеслось в ответ. Дунул ветер, и снежное облако обдало меня острой пылью.

КОНЕЦ